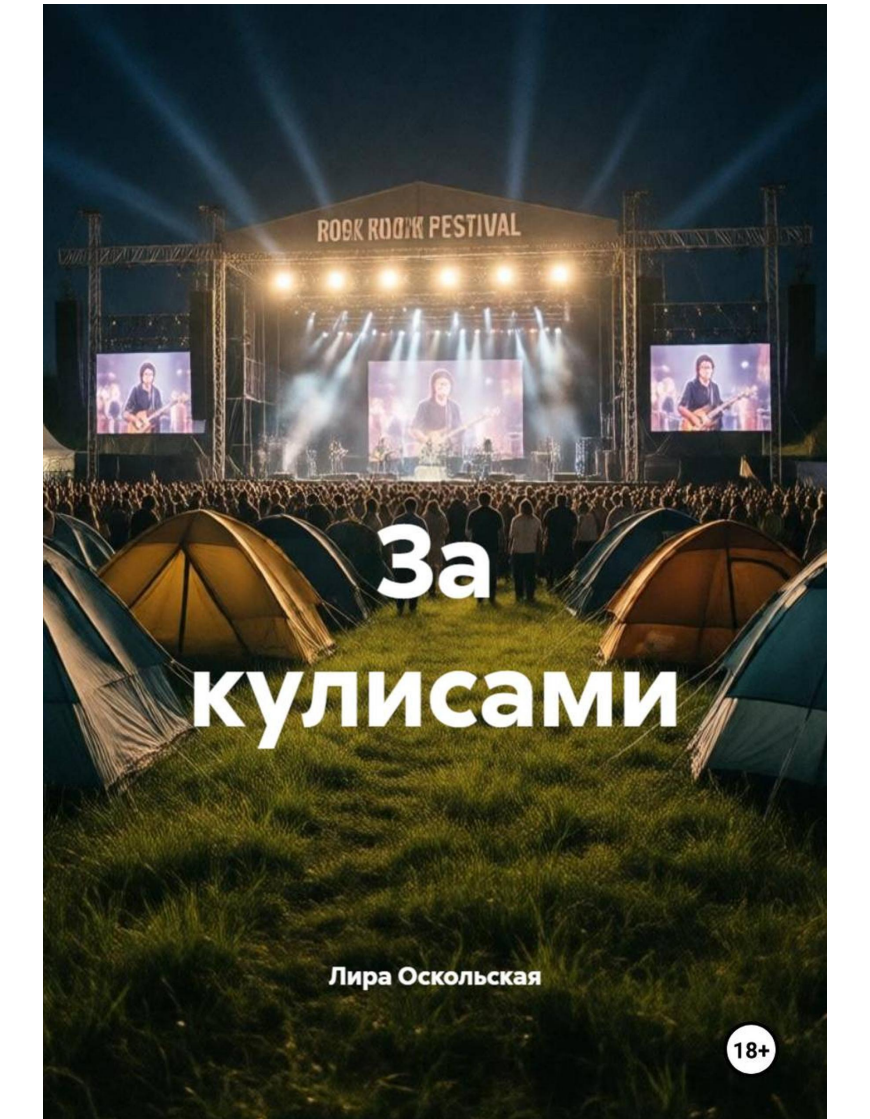

A large-scale photograph of a rock festival at night. In the background, a stage is illuminated with bright spotlights, and a large banner above it reads "ROCK ROCK FESTIVAL". Three large video screens on the stage show a musician playing a guitar. A massive crowd of people is gathered in front of the stage. In the foreground, several blue and orange tents are pitched on a grassy field. The title "За кулисами" is overlaid in large white letters.

За кулисами

Ли́ра Оско́льская

18+

Ли́ра Оско́льская

За кулисами

<https://litres.ru/74199389>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лето, поле, три сцены. Запах пыли и разогретого асфальта, гул двадцатитысячной толпы и палатки артистов, куда не пускают посторонних. Но одна девушка пробралась. И не вернулась.

Ли́ра, вокалистка группы "Предел", видела её живой в руках Влада, своего давнего соперника. Она думала очередная игра. А через час девушку нашли мёртвой.

Теперь Влад - подозреваемый. Ли́ра - свидетель. И пока следствие идёт по кругу, а пресса смакует подробности, им придётся ответить на главный вопрос: что страшнее: оказаться за решёткой или признаться в том, о чём молчал три года?

Содержание

Глава 1. Чёрное Солнце	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ли́ра Оскольская

За кулисами

Глава 1. Чёрное Солнце

Лето. Фестиваль дышал.

К вечеру третьего дня поле за городом превратилось в живой организм - огромный, жаркий, пульсирующий басами. Три сцены работали без перерыва с полудня. Главная сцена, северная и южная поляны, музыка лилась отовсюду, наслаивалась, смешивалась в воздухе с пылью, дымом от фуд-кортов и запахом разогретого асфальта. Двадцать тысяч человек двигались между сценами тёмной рекой, и со смотровой вышки за кулисами это выглядело как миграция огромного племени, объединённого одним ритмом.

«Фестиваль Чёрное Солнце» был молодым фестивалем — ему шёл всего четвёртый год, — но он уже уверенно откусывал место у гигантов вроде "Нашествия" и "Улетай". Организаторы делали ставку на эклектику: на одной сцене могла звучать легкая рок группа, а через час — пост-хардкор или готик-рок. Публика это ценила. Билеты разлетелись за месяц.

Рок-фестиваль - это не просто концерт под открытым

небом. Это особый мир со своими законами, ритуалами и племенным укладом. Тридцать с лишним групп за три дня - лайнап, от которого рябит в глазах. От гаражных команд, играющих в час дня перед полусотней зевак, до хедлайнеров, чьи имена печатают на афишах жирным шрифтом.

Люди едут сюда за драйвом. За тем моментом, когда гитарный рифф ударяет в грудь, и ты чувствуешь его не ушами, а телом. За адреналином, который плещется в крови, как дешёвое пиво в пластиковом стакане. За чувством единства — когда двадцать тысяч чужих людей вдруг становятся одним организмом, дышащим в такт бас-бочке. Фестиваль -это всегда алкоголь. Много алкоголя. Пиво течёт рекой, что-то покрепче разливают тайком, и к вечеру третьего дня даже самые стойкие начинают плавать в дымке хмельного угара. Запах разлитого спиртного смешивается с пылью, потом и сладковатым дымом вейпов. Кто-то уже спит в палатке в кемпинге. Кто-то только просыпается. Шум стоит такой, что закладывает уши даже за километр от сцены. И среди этого хаоса- музыка. Она единственное, что имеет значение. Ради неё терпят духоту, давку, очереди к биотуалетам и трёхчасовые пробки на выезде с парковки. Ради этих нескольких часов у сцены, когда весь мир сжимается до пяточка света и звука.

А сейчас солнце медленно оседало за кромкой леса, красило небо в грязно-оранжевый и сиреневый. Основной лайнап вечера ещё только разогревался, но толпа у главной сце-

ны уже стояла плечом к плечу. В воздухе висела та особенная предвечерняя духота, когда адреналин ещё смешан с дневной усталостью, но первые огни прожекторов уже зажигают кровь.

За кулисами ритм был другим. Здесь не было романтики фестиваля - только чёткая, нервная, почти военная логика. Лабиринт из брезентовых палаток, фургонов, кофров с аппаратурой и бесконечных кабелей под ногами. Техники с переговорными устройствами перекрикивались на своём птичьём языке. Волонтёры в синих футболках с надписью «Staff» сновали туда-сюда с бутылками воды и полотенцами. Где-то настраивали барабаны, и глухой ритм бас-бочки долбил в грудь, как второе сердце.

Палатки артистов стояли в два ряда, образуя узкий коридор. У каждой группы своя: каркас из алюминиевых трубок, плотный брезент, внутри - раскладные стулья, зеркало с лампочками по периметру, столик с райдером. Кто-то повесил гирлянду. Кто-то курил, прислонившись к стойке. Из одной палатки доносился смех, из другой - обрывки фонограммы, которую прогоняли перед выходом.

У палатки с табличкой "Предел" было тихо. Лира стояла у входа, скрестив руки на груди, и смотрела на сцену. Точнее сквозь неё. За шесть лет на сцене она научилась отключаться от шума перед выходом. Техники знали: если Лира у входа и молчит, то лучше не трогать. Она собиралась. Как натянутая тетива.

Ей было двадцать восемь. Высокая, с прямой, почти танцевальной осанкой, она двигалась с той особой плавностью, которая выдаёт годы классической хореографии. Черты лица острые, чуть асимметричные, с высокими скулами и твёрдой линией подбородка — запоминались сразу. Она была «красивой» в журнальном смысле. Слишком серьёзной, слишком строгой, слишком неудобной. Но на сцене это работало иначе: свет ловил её лицо, и оно становилось другим завораживающим, почти нечеловеческим.

Волосы пепельно-русые, длинные, ниже лопаток, сегодня были собраны в высокий тугий хвост, открывающий шею и линию челюсти. На висках тонкие серебряные цепочки, которые она вплела сама перед выходом. Макияж графичный: идеальная стрелка, почти архитектурная, и тени цвета мокрого асфальта. Никакого глиттера, никаких страз. Она не носила ни того, ни другого.

Одежда её обычный сценический выбор: белая рубашка из плотного шёлка, заправленная в узкие брюки с высокой талией. На запястьях несколько серебряных браслетов разной толщины. На безымянном пальце левой руки широкое кольцо с чёрным ониксом. Единственная цветная деталь — подвеска на длинной цепочке: тёмно-синий сапфир, почти чёрный, но вспыхивающий глубокой синью, когда на него падал свет. Она походила не на рок-певицу в привычном понимании, а на архитектора или дизайнера из модного бюро, которая случайно оказалась на фестивале и вот-вот выйдет

на сцену, чтобы объяснить залу что-то важное. Спокойное, собранное, дорогое. Лёд.

— Десять минут, — бросил Рома, её басист, выныривая из палатки с бутылкой воды.

Ли́ра кивнула, не оборачиваясь. Рома был её ровесником, невысоким, кряжистым, с вечно взлохмаченной бородой и руками, которые помнили не только бас-гитару, но и годы работы на стройке до того, как музыка стала профессией. Он был единственным в группе, кто мог говорить с Лирой без оглядки на её настроение, — потому что знал её двенадцать лет, с училища, с тех времён, когда она ещё не была «Снежной сталью», а просто Лирой из Мытищ.

— Ты как? — спросил он, подходя ближе.

— В норме.

— Врёшь.

Ли́ра скосила на него взгляд и чуть дёрнула уголком губ — это могло сойти за улыбку. Рома хмыкнул.

— Опять из-за этих? — он кивнул в сторону соседней палатки.

Палатка «Пепельные шипы» стояла через три шага. Такая же брезентовая, такая же стандартная. Но вокруг неё будто воздух был гуще. Там не смеялись, не прогоняли фонограмму. Там царила та особенная, почти ритуальная тишина, которую создают люди, привыкшие к вниманию и не нуждающиеся в суете.

— Мне всё равно, — сказала Ли́ра.

— Ага. Конечно. Ты поэтому уже десять минут смотришь в их сторону.

Ли́ра перевела взгляд на сцену. Рома хмыкнул ещё раз и ушёл обратно в палатку. Она действительно смотрела. Но не на палатку. На него. И опять вспомнила тот вечер до мельчайших деталей. До скрипа снега под ботинками, до запаха разогретого виски в пластиковом стакане.

Фестиваль «Northern Fire» в Хельсинки, три года назад. Февраль, минус пятнадцать, но площадка крытая, огромный павильон, бывший склад, переоборудованный под концерты. «Предел» тогда только набирал обороты: первый альбом, первый европейский тур, первые полные залы. Лире было двадцать пять, и она ещё не научилась держать лицо в любой ситуации.

«Пепельные Шипы» выступали перед ними. У них уже был хит, который крутили по радио, и Влад, судя по всему, чувствовал себя королём. Когда Ли́ра зашла за кулисы - замёрзшая, в чужом пуховике поверх сценического платья, с мокрыми после снега волосами, он стоял у райдера с бутылкой пива и лениво болтал со своим барабанщиком. Заметил её сразу. Оглядел с ног до головы, медленно, демонстративно, с той самой ухмылкой, которая потом будет преследовать её годами.

— О, а это у нас кто? — сказал он громко, на русском, не заботясь, что вокруг финские техники. — Солистка «Предела»? Как тебя там ...Арфа? Ли́ра! Слышал, слышал. У вас

там такая нежная музыка. Под неё, наверное, хорошо трахаться. Барабанщик хохотнул. Лира замерла.

— Что, прости? — переспросила она тихо.

Влад шагнул ближе. Совсем близко, она чувствовала запах пива и мускуса, или сандала, тяжёлого и сладкого.

— Я говорю, красивая ты. И голос красивый. Может, после концерта пересечёмся? Обсудим... аранжировки. — Он усмехнулся последнему слову, явно вкладывая в него что-то совсем не музыкальное. Лира не ударила его. Не закричала. Она просто посмотрела ему в глаза холодно, как умела уже тогда, и сказала:

— Ещё раз подойдёшь ко мне ближе чем на метр, я тебе микрофон в глотку засуну. Услышишь, как он звучит без усилителя.

И ушла. Влад ничего не ответил. Но когда она обернулась, он смотрел ей вслед. Ухмылки уже не было. С тех пор они не разговаривали, за исключением колкостей в интервью и тех случаев, когда менеджеры вынуждали их пересекаться. Он больше никогда не пытался «позаигрывать». Но каждый раз, когда они оказывались на одном фестивале, он смотрел. Всегда смотрел. Как будто ждал чего-то.

А она так и не простила ему той первой фразы. «Под неё, наверное, хорошо трахаться». Три слова, которые превратили её в лёд в его присутствии. И она не собиралась таять.

Теперь Влад стоял у входа, прислонившись плечом к алюминиевой стойке, и разговаривал со своим гитаристом. Точ-

нее говорил гитарист. Влад слушал, кивая в нужных местах, но взгляд его блуждал по закулисию. И время от времени возвращался к ней.

Он был другим. Если Лиру сравнивали с архитектором или ледяным клинком, то Влад был похож на персонажа из викторианского романа, который случайно провалился в двадцать первый век и решил, что здесь ему нравится. Высокий, чуть выше неё, с широкими плечами и узкими бёдрами - фигура танцовщика. Черты лица тонкие, почти женственные, но с жёсткой линией челюсти, которая не давала им скатиться в слащавость. Волосы тёмные, густые, слегка вьющиеся у кончиков, спускались до плеч и были небрежно откинuty назад. Одна прядь постоянно падала на лицо, и он то и дело убирал её движением головы.

Одевался он так, как одеваются люди, которым всё равно, что о них подумают, но которые точно знают, что выглядят хорошо. Сегодня чёрные брюки-кюлоты, заправленные в высокие сапоги с серебряной пряжкой. Кожаный жилет на голое тело, под ним — ничего, только тонкая цепочка с кулоном в виде шипа, лежащая прямо на груди. На левом предплечье татуировка, которая начиналась у запястья и уходила под жилет: переплетение терновых веток, выполненное в стиле старинной гравюры. Пальцы длинные, нервные, постоянно двигались: он то постукивал по бедру, то крутил серебряное кольцо на указательном. Если Лира была льдом, то Влад был тлеющим углём. Не открытое пламя, но то, что мо-

жет вспыхнуть в любой момент.

— Ты опять на него смотришь, — раздалось над ухом.

Лира вздрогнула. Рома вернулся.

— Я не...

— Смотришь, смотришь. Он, кстати, тоже.

Лира промолчала. Правда заключалась в том, что она действительно смотрела. Не потому, что он ей нравился. А потому, что он единственный на этой сцене был ей ровней. И она это знала. И он это знал. И от этого воздух между ними всегда был наэлектризован до треска.

Группы шли друг за другом в лайнапе уже пару лет — Предел и Пепельные Шипы, симфо-метал и готик-метал, два флагмана одного направления, два полюса одной сцены. Журналисты обожали вопрос: «Кто круче?» Фанаты устраивали священные войны в соцсетях. Менеджеры лейблов потирали руки — конкуренция продавала билеты.

Сама Лира никогда не искала этого противостояния. Оно возникло само из совпадений: похожий жанр, перекрывающаяся аудитория, гастрольные графики, пересекающиеся на одних и тех же площадках. Они сталкивались лбами на каждом втором фестивале, и каждый раз это было похоже на негласную дуэль. Кто лучше? Кто громче? Кто соберёт больше толпы?

Сначала Лиру это забавляло. Потом раздражало. Теперь она сама не понимала, что чувствует. Что-то среднее между усталостью и любопытством.

Влад, в отличие от неё, игру, кажется, обожал. Он всегда отвечал на провокации журналистов с той особой, ленивой самоуверенностью, которая бесила Лиру больше всего. «Предел? Отличная группа. У них прекрасные аранжировки. И солистка красивая». Последнюю фразу он всегда произносил с лёгкой улыбкой, глядя прямо в камеру, и именно её вырезали для заголовков. Лира знала: он делает это специально. Подчёркивает, что она «красивая», а не «талантливая». Мелкая шпилька, завёрнутая в комплимент.

Она никогда не отвечала тем же. Просто игнорировала вопросы о нём. Это бесило его, кажется, ещё больше.

— Предел, ваш выход! — крикнул координатор, пробегая по коридору. — Лира, на сцену!

Она глубоко вдохнула и пошла вперёд, на сцену. Плечи расправлены, голова поднята, шаг ровный, как метроном. Проходя мимо палатки Пепельных шипов, она не повернула головы. Но кожей почувствовала его взгляд.

Влад проводил её глазами. Всю дорогу до ступенек.

Сет Предела взорвал поле. Симфо-метал в их исполнении был не просто музыкой - он был архитектурой. Многослойные аранжировки, клавишные партии, сплетающиеся с гитарными риффами, ритм-секция, которая держала всю конструкцию, как стальной каркас. И над всем этим - её голос.

Лира пела с закрытыми глазами. Первая песня боевик, гимн, забойный боевик, от которого толпа пошла волной. Вторая более тёмная, с долгим вступлением и взрывным

припевом. На третьей она открыла глаза. Он стоял за кулисами. В тени, так, чтобы не быть на виду у публики, но идеально видимым с её точки на сцене. Руки в карманах. Поза расслабленная, но взгляд сосредоточенный, острый, впитывающий.

Лира чуть не сбилась. Это длилось долю секунды, микроскопическая заминка перед высокой нотой, которую никто, кроме неё, не заметил. Но Влад заметил. Она поняла это по тому, как дрогнул угол его губ.

«Чёрт бы тебя побрал», — подумала она и взяла ноту. Чисто. Идеально. Назло. Толпа взревела. После выступления она возвращалась в палатку на автопилоте. Адреналин ещё гудел в крови, но мысли уже переключились, на воду, на отдых, на двадцать минут тишины перед тем, как нужно будет что-то решать.

У палатки Пепельных шипов она услышала смех. Не его. Её. Молодой, звонкий, почти щенячий. Лира повернула голову и остановилась.

Девушка стояла у входа в палатку Влада. Совсем юная, лет двадцать, может, двадцать один. Русые волосы растрепались от духоты, в глазах плескался восторг пополам со страхом. Она мяла в руках край футболки с логотипом Ashen Thorns — чёрный шип на сером фоне — и говорила слишком быстро, проглатывая слова.

А Влад...

Влад стоял рядом с ней. И он смотрел не на неё. На Лиру.

Их взгляды встретились. И Лира увидела, как в его глазах мелькнуло что-то острое, озорное. Злое. Он положил руку на талию девушки и притянул её к себе. Медленно. Не сводя глаз с Леры.

Фанатка замерла. Охнула. Но не отстранилась - застыла, потрясённая внезапной близостью кумира, не в силах поверить в происходящее. Её щёки вспыхнули, дыхание сбилось, а пальцы, всё ещё сжимавшие край футболки, побелели от напряжения. Лира смотрела на них. Лицо её оставалось спокойным. Только бровь чуть приподнялась на миллиметр, не больше.

«Серьёзно?»

Она не сказала этого вслух. Но Влад услышал. Он улыбнулся той самой ленивой, самоуверенной улыбкой, которая преследовала Лирu в каждом втором интервью. «Смотри, — говорила эта улыбка. — Меня обожают. Я купаюсь в этом. А ты кто такая?»

Лира выдержала паузу. Ровно столько, чтобы он понял: она видела. Она оценила. И она не впечатлена. Потом отвернулась и пошла в свою палатку. За спиной раздался его смех, негромкий, довольный. И звонкий голос фанатки: «Я не могу поверить, это правда вы...»

Лира задёрнула полог палатки и села на складной стул. Рома, уже перебиравший струны на басу, поднял глаза.

— Что случилось?

— Ничего.

— Ты злая.

— Я не злая. Я уставшая.

Но Рома был прав. Она была злая. Не на девушку. Не на Влада даже. А на себя за то, что ей вообще есть до этого дело. Через полчаса на сцену вышли Шипы.

Лира не собиралась смотреть. Она собиралась переодеться, собрать вещи и уехать в отель. Но что-то удержало её за кулисами. Она встала в тени, там же, где недавно стоял он, и стала смотреть.

Влад был другим на сцене. Не таким, как в жизни. Не таким, как в интервью. На сцене он переставал быть человеком и становился чем-то иным - сгустком харизмы, энергии, тёмного обаяния. Он не бегал, не прыгал, не крушил стойки. Он двигался медленно, почти лениво, но каждый жест был точным, как у хищника. Голос перетекал из низкого баритона в хриплый рык и обратно, и Лира ненавидела то, как хорошо он это делает.

Толпа сходила с ума.

На третьей песне он повернул голову и нашёл её взглядом. В той самой тени, где она стояла. И на мгновение, на одно короткое, как удар сердца, мгновение его лицо изменилось. Исчезла сценическая маска. Осталось что-то другое. Что-то, что Лира не успела разобрать. Она ушла, не дожидаясь конца сета.

Позже, уже в отеле, она будет вспоминать этот вечер и думать, что бы случилось, если бы она подошла к нему тогда.

Если бы сказала: «Хватит». Если бы спросила: «Чего ты хочешь на самом деле?»

Но она не подошла. Она ушла в отель. Приняла душ. Легла спать.

А через несколько часов в дверь её номера постучали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.